

Еще по поводу народной пѣсни:

О ВЗЯТІИ ТОРЧЕСКА, ИЛИ-ЖЕ АЗОВА? *)

Въ іюльской книжкѣ „Кіев. Старины“ помѣщена статья А. И. Стоянова: „Южно-русская пѣсня о событіи XI вѣка“, въ которой авторъ приурочиваетъ пѣсню, напечатанную въ Сборникѣ чумацкихъ пѣсень И. Я. Рудченка подъ № I, въ четырехъ вариантахъ, ко взятію половцами Торческа въ 1093 году. Такое приуроченіе онъ основываетъ на совпаденіи многихъ чертъ лѣтописнаго разсказа объ этомъ событіи и мѣстнаго о немъ преданія съ отдѣльными мѣстами пѣсни, преимущественно по двумъ приводимымъ имъ ея вариантамъ, изъ которыхъ второй до сихъ поръ не былъ извѣстенъ въ печати¹⁾. Здѣсь-же указаны и другія мнѣнія о значеніи этой пѣсни: одно г. Рудченка, видѣвшаго въ ней весьма древнія бытовыя черты торговли мѣхами и мѣновой торговли, и второе, г. М. Т—ова („В. Евр.“, 1877 г., кн. III), о великорусскомъ происхожденіи пѣсни, составляющей перефразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова, которому должна была отвѣчать великорусская пѣсня, до сихъ поръ никѣмъ не записанная. А. И. Стояновъ полагаетъ (стр. 94), что поводомъ къ послѣднему мнѣнію послужило упоминаніе въ одномъ изъ вариантовъ пѣсни о плѣ-

---

*) См. «Кіев. Старина», іюль, стр. 81; августъ, стр. 362.

¹⁾ Вариавтъ изъ с. Вел. Спитинки васильков. у. почти буквально совпадаетъ съ вар. Б. у г. Рудченка, помѣченнымъ «Васильковъ», и былъ сообщенъ мною издателю чумацкихъ пѣсень; я даже полагаю, что это онъ и есть, а различія произошли только при перепискѣ и корректурѣ не подъ глазами издателя. Отсюда и пропускъ существенно важнаго примѣчанія пѣвца, указаннаго въ статьѣ г. Стоянова, которое находилось и въ моемъ спискѣ.

неніи, при взятіи разбойниками Азова, „молодыхъ черкесочокъ“. На самомъ-же дѣлѣ, такое мнѣніе, по болѣе вѣскимъ соображеніямъ, было высказано первоначально мною, въ 1874 году, въ рецензіи на Сборникъ г. Рудченка, причемъ я, конечно, отрицалъ всякую возможность *перепаразирровки* донского сказанія въ малорусскую пѣсню, а только указывалъ на ихъ замѣчательный параллелизмъ.

При этомъ мнѣніи я остаюсь и теперь, а потому и долженъ вновь повторить свои доводы, затерянные въ старой газетной статьѣ, и дополнить ихъ нѣкоторыми новыми данными. Къ этому обязываетъ меня какъ давнишнее сотрудничество съ А. И. Стояновымъ по занятіямъ малорусской этнографіей, о которомъ съ такой теплотою упомянулъ мой почтенный другъ, такъ еще болѣе—стремленіе къ исторической истинѣ, хотя мнѣ на этотъ разъ, по совѣсти, очень больно отрѣшиться отъ мысли о существованіи въ нашей современной пѣсенности прямыхъ слѣдовъ историческихъ событій до-татарскаго періода. Въ видахъ такого разрѣшенія вопроса, которое въ отношеніи даннаго случая должно-бы быть окончательнымъ, мнѣ придется разсмотрѣть каждое изъ положеній, высказанныхъ въ концѣ статьи г. Стоянова.

Прежде всего замѣчу, что г. Рудченко, интересуясь въ пѣсняхъ преимущественно ихъ бытовою стороною, и потому принимая ихъ въ слишкомъ буквальномъ и современномъ смыслѣ, независимо отъ ихъ историческихъ наслоеній, важное значеніе которыхъ указано г. Стояновымъ (стр. 94—95), принявъ въ своемъ Сборникѣ основнымъ варіантомъ—искаженный и съ полузабытымъ концомъ. Г. Стояновъ считаетъ столь-же искаженными и остальные варіанты этого Сборника, а наиболѣе цѣльнымъ—обнародованный имъ самимъ, —изъ м. Василівцины васильковскаго уѣзда. Не отрицая важности этой редакціи, особенно ея послѣдняго стиха, я нахожу, однако, гораздо болѣе первообразнымъ списокъ М. А. Кропивницкаго изъ с. Григорьевки елисаветградскаго уѣзда. Въ общемъ онъ очень близокъ къ василівцинскому, но отличается отъ него существенно важною чертою: въ послѣднемъ снарядившихся купцами бурлакъ грабить въ Азовѣ орда, а въ григорьевскомъ—сами они грабятъ Азовъ, соотвѣтствуя этой „ордѣ“ (мы увидимъ ниже, какому историческому факту соотвѣтствуетъ и это упоминаніе объ ордѣ, т. е. татарахъ). Кромѣ того, здѣсь указываются подробности снаряженія

бурлакъ, изъ котораго видно, что число ихъ значительно превышаетъ число купеческихъ воевъ, т. е. они сами пользуются послѣдними для скрытнаго входа въ городъ, подъ видомъ товара, что поясняется спискомъ Н. И. Костомарова, примѣчаніемъ пѣвца къ снитинскому варианту и той именно подробностью преданія о Торческѣ, гдѣ оно расходится съ лѣтописью; въ списокѣ-же василівщинскомъ ея нѣтъ. Поэтому, прежде всего необходимо возстановить здѣсь вариантъ изъ Григорьевки, полный текстъ котораго таковъ:

1. Ой що то за крячокъ
2. Надъ моремъ крякае,
3. Гей и що жъ то за бурлакъ
4. Молодцівъ збірае:
5. — „А збірайтеся, хлопці,
6. Да й все народъ майстерный,
7. Да й зробимо, братця,
8. Півтора ста мы возівъ,
9. Да начепимъ-начепимъ
10. Півтора ста мы яремъ,
11. Да возьмемо, братця,
12. По семеро молодцівъ,
13. А по восьмому, братця,
14. За-для кашоварости,
15. А по девятому, братця,
16. За-для осторожности,
17. А по десятому, братця,
18. Щобъ волюки поганявъ.
19. Та поїдемо мы, братця,
20. Ажъ въ той городъ у Азовъ;
21. Та й займемо мы місця
22. По широкимъ улицямъ,
23. Да поставляемъ возы
24. У три ряды у шкадронъ.
25. Ой выйдуть до насъ, выйдуть
26. А два купці-молодці,
27. А спытають насъ, братця,
28. Що за товаръ у возахъ?

29. А мы скажемо, братця,
30. Що въ насъ товаръ дорогой:
31. Все лысыці та куныці
32. Та чорные соболя“:

33. Гей учора изъ вечора
34. Такой приказъ отдали,
35. А такъ якъ о півъ-ночі—
36. Азовъ-городъ узяли.
37. Ой вийшовъ да вийшовъ
38. А знать бурлакъ—сильно пребагать,
39. А крикнувъ вінъ покрикнувъ
40. Своімъ громкимъ голосомъ:
41. „Ой збірайтеся, хлопці,
42. Всі молодці на судно,
43. Та беріте-грабуйте—
44. Кому чого надобно:
45. Гей кому срібла, а кому злота,
46. Кому суконъ дорогихъ,
47. А кому мало, недостача,—
48. Черкесочокъ молодихъ“.

Перехожу теперь къ изложенію Сказанія о взятіи донскими козаками Азова, помѣщеннаго въ 3-й книжкѣ „Чтеній моск. общ. ист. и древностей“ за 1864 годъ, все содержаніе котораго и многія мельчайшія подробности поразительно совпадаютъ съ приведенною пѣснію. Сказаніе это слишкомъ обширно, чтобы приводить его цѣликомъ, и я ограничусь краткимъ, но точнымъ пересказомъ его, приводя подлинникомъ тѣ мѣста, которыя имѣютъ существенное значеніе для цѣли настоящей статьи. Замѣчу, что сказаніе мѣстами носитъ слѣды искаженій, языкъ его вовсе не современенъ событію, а по меньшей мѣрѣ на цѣлое столѣтіе позднѣе, признаки чего укажу ниже; разсказу о взятіи Азова предшествуетъ эпизодъ о захватѣ турецкихъ судовъ.

„Въ лѣта благочестиваго государя-царя и великаго князя Михаила Θεодоровича, всея Россіи самодержца,—начинается сказаніе, —собравшееся военное вольное козачество изъ городовъ на тихой Донъ, атаманъ у нихъ былъ Нижняго Новгорода, что на Волгѣ

рѣкъ, Наумъ Васильевичъ. Въ нѣкое время азовскій паша, по нашему воевода, отъ турскихъ бояръ, отдаде въ замужство дочь свою за крымскаго хана, а по нашему ихъ царя старчева (т. е. старшаго). И тотъ азовскій паша, нагрузя четыре буса (судна) живота, отпустилъ на оныхъ дочь свою по Дону къ крымскому хану Старчеву (sic), а провожатыхъ съ нею послалъ семьсотъ человекъ“. Узнавъ объ этомъ, атаманъ съ товарищи изготовили легкіе струги, помолились Іоанну Предтечѣ и Николаю Чудотворцу и отправились въ числѣ четырестотъ человекъ на добычу. „На Дону оставили для обереженія сто человекъ, да чернаго попа Серапіона, который къ нимъ пришелъ изъ Астрахани отъ архіепископа Маркарія, по нѣкоей винѣ случившейся“. Изъ засады въ камышѣ напали добычники на турецкіе „бусы“, овладѣли ими и перебили всѣхъ бывшихъ тамъ турокъ и татаръ, кромѣ дочери пашы и ея прислужницъ, а тогда всю добычу перевезли на Донъ сухимъ путемъ на лошадяхъ. Паша выкупилъ свою дочь съ ея „дѣвками“, давши козакамъ драгоцѣнностей на десять тысячъ рублей. Козаки отослали всю добычу въ Астрахань и обмѣняли на русскіе товары.

Потомъ они собрались въ кругъ и стали совѣтовать о новомъ предпріятіи: какъ-бы Азовъ городъ взять. И держали рѣчь атаманъ Наумъ Васильевичъ и есаулъ Иванъ Федоровичъ: „Разумно говорите, козаки вольные, молодцы добрые! Какъ градъ Азовъ возьмемъ? Сдѣлаемъ стотридцать телѣгъ и покроемъ ихъ божами красными и черными, и во сто телѣгъ положимъ по малу числу товаровъ, а въ тридцать ¹⁾ телѣгъ по четыре человекъ козаковъ съ ружьями и русскими товарами... И начаша готовить телѣги, и положили въ тридцать телѣгъ по малу русскихъ товаровъ и по четыре человекъ“. Изготовившись такимъ образомъ, „по совершеніи молебнаго пѣнія, съ тихова Дону пошли ко Азову граду, и взяли съ собою честныя иконы, и не доходя до Азова за день, стали въ камышникѣ и начали думать, какъ-бы Азовъ взять“. Атаманъ распорядился такимъ образомъ: „къ каждой телѣгѣ приставилъ по

¹⁾ Это мѣсто искажено: далѣе говорится, что изъ телѣгъ въ Азовѣ вышло *четыреста* козаковъ; слѣдовательно, распредѣленіе телѣгъ изложено здѣсь превратно: товарамъ должно быть занято тридцать, а засадою сто, что и болѣе соотвѣтствуетъ характеру употребленной хитрости.

человѣку, а триста человѣкъ снарядилъ въ хорошее нѣмецкое платье и заготовилъ листъ къ азовскому пашѣ или коменданту, въ коемъ написано: Изъ астраханскаго царства отпущены товары съ торговыми людьми въ турецкую землю, въ городъ Азовъ. И козаки другими именами назвались, и о товарѣ на нѣсколько тысячъ объявили, таможенной откупъ за печатью атамана написали, и противу того точную копію списали, въ самую-же полночь пошли со всѣмъ обозомъ къ Азову“.

Встрѣченные нѣсколькими тамошними охотниками, козаки подарили имъ по три бѣлки и просили извѣстить въ городъ о своемъ прибытіи. Когда донесли объ этомъ пашѣ, онъ послалъ восемь человѣкъ для опроса пріѣзжихъ и осмотра ихъ товаровъ. „Татары и турки, видя на козакахъ платье долгое торговое“, спрашивали письма изъ астраханскаго царства отъ тамошняго воеводы и просили показать товаръ. Атаманъ велѣлъ развязать десять возовъ, въ которыхъ оказались: „котлы, порохъ, свинецъ, укладъ, холсты, сукна, добрые соболи, лисицы и бѣлки“. Козаки дали подарки досмотрщикамъ и заявили, что такой-же товаръ и въ остальныхъ возахъ, кромѣ двухъ, гдѣ хранятся дорогіе подарки для паши. Узнавъ объ этомъ и видя, что даже досмотрщикамъ подарено по дорогой лисицѣ въ пять рублей, паша разрѣшилъ впустить мнимыхъ кушцовъ въ городъ, куда они и въѣхали по захожденіи солнца (т. е. на второй день по отходѣ изъ стана въ камышникѣ).

„И турки поставили ихъ на гостинной дворъ, сказавъ имъ, чтобъ товары вносили въ лавку; а козаки просили до утра оставить, а завтра, сказали, осмотримъ и перепишемъ, а оной товаръ просушимъ, и тогда въ лавки сносимъ“. Получивши согласіе турокъ, атаманъ, по требованію паши, отправляется къ нему съ „письменнымъ видомъ“ и несетъ въ подарокъ три сорока соболей, почему и встрѣчаетъ самый ласковый пріемъ. Уходя отъ паши, атаманъ говоритъ слугѣ его: „завтра принесу ему другіе подарки, чтобы у нашихъ возовъ караула не было, понеже мы опасныхъ людей сего города не боимся“. По докладу слуги „паша караулу стоять не велѣлъ“, и козаки, поужинавъ, затворяютъ ворота гостиннаго двора на запоръ, „и мало пріумолкли“.

Тогда атаманъ велѣлъ развязывать телѣги, и изъ нихъ вышло четыреста козаковъ. Ихъ тоже накормили, а потомъ собрались всѣ

въ кругъ. Атаманъ велѣлъ козакамъ раздѣлиться на партіи для одновременнаго нападенія въ разныхъ направленіяхъ, а самъ пошелъ ко двору паши; „у воевъ-же оставили чернаго попа Серапіона и съ нимъ десять человекъ, чтобы помолились Богу и святымъ угодникамъ Іоанну Предтечѣ и Николаю Чудотворцу“. На турокъ напали врасплохъ, началась рѣзня, продолжавшаяся съ полуночи до разсвѣта: „и всѣхъ турокъ, и татаръ, и старыхъ бабъ побивали, а молодыхъ женокъ и дѣвокъ къ себѣ взяли“.

Число убитыхъ было такъ велико, что едва за два дня успѣли вывезти трупы ихъ въ море. „Молодыхъ-же ребятъ, женокъ и дѣвокъ и со всѣхъ домовъ имѣніе собравъ, начали дѣлать, и подѣлу на каждаго козака досталось по три человека, а живота по двѣ тысячи рублей да по четыре коня. И взявъ съ собою иконы, несоша посреде града съ псалмопѣніемъ, и украсиша ихъ серебромъ и златомъ“.

Поселились затѣмъ козаки въ Азовѣ, „стали жить въ домахъ и создали церковь деревянную во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца и послали въ Астрахань къ архіепископу Макарію, чтобы далъ имъ на освященіе церкви архимандрита, попа и діакона и антиминсъ. Преосвященный Макарій послалъ попа бѣлаго, и діакона, и антиминсъ, и грамоту, да живутъ тамъ въ Азовѣ. И многіе козаки на турчанкахъ женились, и въ христіанскую вѣру приведены (т. е. турчанки). Пронесомся о семъ вѣсть въ русскихъ странахъ и городахъ, и много людей къ нимъ въ Азовъ пришло, и собралось ихъ до пяти тысячъ человекъ“.

Изъ приведеннаго здѣсь краткаго изложенія Сказанія видно, что и само оно возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Изложеніе его крайне неровно: языкъ мѣстами, какъ въ первой рѣчи атамана, разказъ объ избіеніи азовскихъ турокъ и дѣлежѣ добычи,—вполнѣ соответствуетъ эпическому складу народныхъ преданій; въ другихъ мѣстахъ, церковнославянскіе обороты и повсемѣстное упоминаніе о религіозно-обрядовыхъ подробностяхъ, какъ о цонѣ Серапіонѣ, молебствіяхъ, псалмопѣніи послѣ побѣды, перенесеніи и украшеніи иконъ, созданіи церкви и посылкѣ въ Астрахань за духовенствомъ для нея и антиминсомъ,—заставляютъ думать, что славателемъ его, или по крайней мѣрѣ первымъ писателемъ, было лицо духовное; наконецъ, употребленіе такихъ словъ, какъ *коман-*

дантъ, копія, письменный видъ, упоминаніе о нѣмецкомъ платьѣ у торговыхъ людей и т. под., служить указаніемъ, что напечатанная редакція Сказанія принадлежитъ свѣтскому грамотію и никакъ не старѣе второй четверти прошлаго столѣтія, а можетъ быть—и гораздо новѣе. Примирить эти противорѣчія можно единственно только предположеніемъ, что Сказаніе первоначально существовало въ видѣ народнаго преданія или даже и пѣсни, затѣмъ, подобно преданіямъ древнѣйшаго періода нашей исторіи, было облечено въ письменную форму какимъ нибудь книжникомъ изъ духовенства, и наконецъ подвергалось передѣлкамъ со стороны свѣтскихъ переписчиковъ. Насколько вѣрно такое предположеніе, покажетъ отчасти дальнѣйшій анализъ Сказанія.

По отношенію собственно къ нашей пѣснѣ, Сказаніе представляетъ замѣчательныя совпаденія, до полнаго тождества. Относительно мѣстности, изъ пяти извѣстныхъ вполнѣ вариантовъ Азовъ упоминается въ двухъ, равно какъ въ цитатѣ діда Омелька покойному П. И. Ревякину и въ „верзяканы“ солдата на переяславской пристани; въ остальныхъ трехъ вариантахъ упоминаются „Ростовъ“ и „Щучинъ“,—мѣстности, тоже близкія къ Азову. Въ пѣснѣ подъ видомъ товара ввозятся въ городъ „бурлаки“, по Сказанію—вольные козаки. Въ перечисленіи товаровъ тамъ и здѣсь одинаково говорится о лисьихъ и собольихъ мѣхахъ, которые, по Сказанію и согласно всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ, служатъ предметами подарковъ, а показываютъ товары, въ приведенномъ здѣсь и костомаровскомъ спискѣ, по требованію мѣстныхъ городскихъ купцовъ, въ Сказаніи—азовскихъ досмотрщиковъ. Въ послѣднемъ вариантѣ „купецъ“ открываетъ рогожи съ воевъ, стоящихъ по темнымъ улицамъ, и тамъ открываются „добрі молодці“; примѣчаніемъ пѣвца къ лишенному окончанія снитинскому варианту поясняется иносказательный смыслъ его послѣдняго стиха о „продажѣ“ товара, состоящаго изъ „козаковъ“; въ григорьевскомъ прямо излагается результатъ такой продажи: взятіе и разграбленіе Азова, какъ и въ Сказаніи. Далѣе, тамъ и здѣсь идетъ раздѣлъ добычи, въ составъ которой входятъ и молодые „черкесочки“, а въ обнародованномъ А. И. Стояновымъ спискѣ прямо сказано „туркени“,—турчанки Сказанія. Замѣчу, что предполагать здѣсь переходъ звука *о* въ *у*, туркениа вмѣсто торкениа, впрочемъ очень обыкновен-

ный въ Кіевщинѣ, мы имѣли-бы право только тогда, когда-бы не было въ виду указанія на правильность записанной формы. Въ малорусской рѣчи туркена именно и значить турчанка:

А на тому кораблі
Сидить *турчинъ* изъ *туркенею*.

Установивъ, такимъ образомъ, тождество нашей пѣсни и Сказанія, или, вѣрнѣе говоря, происхождение ихъ изъ одного общаго источника, необходимо затѣмъ, для точности изслѣдованія, разрѣшить слѣдующіе вопросы:

Весьма возможно, что существовало въ народѣ общее преданіе объ особомъ видѣ военной хитрости для взятія города, напоминающемъ троянскаго коня, которое затѣмъ и приурочивалось къ мѣстнымъ случаямъ, хотя-бы въ дѣйствительности такая хитрость и не въ каждомъ изъ нихъ употреблялась. Приурочить ее одинаково могло Сказаніе къ Азову, какъ и Омелько къ Торческу. Если, поэтому, отыщется достовѣрное историческое событіе, къ которому приурочивается безъ натяжекъ Сказаніе, а слѣдовательно и наша пѣсня, то слѣдуетъ рассмотретьъ, въ какой мѣрѣ обстоятельства этого событія допускаютъ возможность дѣйствительнаго употребленія при немъ упомянутой военной хитрости.

Во вторыхъ, если на предыдущій вопросъ и получится утвердительное рѣшеніе, то необходимо еще указать путь, какимъ могла распространиться въ приднѣпровской Малороссіи пѣсня о событіи, имѣвшемъ мѣсто на отдаленномъ отъ нея Югостокѣ.

Царствованіе Михаила Федоровича, къ которому само себя относитъ Сказаніе, было эпохою наибольшаго, какъ кажется, развитія удалства козаковъ по отношенію къ ихъ магометанскимъ сосѣдямъ; и донцы, и запорожцы громили ихъ въ ту пору пуще всего. Оставляя въ сторонѣ послѣднихъ, представимъ краткій перечень набѣговъ донцовъ на турокъ и ихъ владѣнія. Въ 1622 г. они ограбили въ устьяхъ Дона шедшіе въ Азовъ турецкіе караваны. Въ 1623 г. они взяли турецкій корабль близъ Керчи, а затѣмъ напали на ногайцевъ и нанесли имъ большой уронъ, захвативъ много женщинъ, дѣтей и животныхъ. Въ 1626 г. донцы овладѣли монастыремъ Іоанна Предтечи недалеко отъ Цареграда. Въ 1628 году, послѣ неудачнаго похода подъ Трапезунтъ, ограбили и сожгли

Карасу и Манкушъ въ Крыму. Въ 1630 г. ими былъ разгромленъ Синопь. Въ 1633 г. на двадцати пяти стругахъ сдѣлали набѣгъ на Кафу, а потомъ захватили Иконію. Въ 1634 г. донскіе козаки рѣшились напасть на такую сильную крѣпость, какъ *Азовъ*, повредили городъ пушечной пальбой, но приступъ ихъ окончился неудачею. Наконецъ, *козакамъ удалось овладѣть въ 1637 году Азовомъ*, который составлялъ для нихъ такое-же препятствіе къ свободному выходу въ море, какими были для запорожцевъ турецкіе „зѣмки“ на Днѣпрѣ, на мѣстѣ нынѣшней Каховки и Берислава и на промежуточныхъ между ними островахъ, носившіе названія: Асламъ-кермень, Тавань, Кызы-кермень, Муберекъ-кермень и Мустрить-кермень¹⁾.

Передадимъ главныя черты этого событія, отбѣняя тѣ ихъ особенности, которыми онѣ совпадаютъ съ пѣснею или Сказаніемъ. Задумавъ овладѣть Азовомъ и видя недостатокъ военныхъ припасовъ, донскіе козаки посылали на Москву, съ просьбою о присылкѣ таковыхъ, атамана *Ивана Каторжнаго*, именемъ своимъ соотвѣтствующаго есаулу *Ивану Федоровичу*, о которомъ говорится въ началѣ Сказанія. Была-ли удовлетворена просьба донцовъ, мы не знаемъ. Тѣмъ временемъ они устроили общій съѣздъ со всѣхъ городковъ и рѣчекъ и затѣмъ выступили къ Азову, въ числѣ четырехъ тысячъ *четырехсотъ* человекъ; Сказанію, имѣвшему цѣлью прославить козацкіе подвиги, вполне естественно было умолчать о первой цифрѣ и оставить только вторую, какъ число воиновъ, скрытыхъ подъ видомъ товаровъ. Не доходя Азова, козаки *простояли* двѣ недѣли, конечно, скрываясь самымъ тщательнымъ образомъ, что вполне соответствуетъ стоянкѣ ихъ въ камышникѣ, продолжительности которой Сказаніе не опредѣляетъ. Здѣсь прибыли къ нимъ на подмогу *астраханскіе* юртовые *татары*, послѣ чего они и овладѣли городомъ. Сказаніе нѣсколько разъ упоминаетъ о сношеніяхъ и связяхъ козаковъ съ Астраханью, да и въ Азовъ проникли они подъ видомъ астраханскихъ торговцевъ; тотъ-же фактъ, что вмѣстѣ съ ними, въ качествѣ союзниковъ, дѣйствовали татары,

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 273, 278, 282, 283, 285, 286, 291.

объясняетъ намъ упоминаніе объ *ордѣ* въ обпародованномъ г. Стояновымъ вариантѣ пѣсни и разрѣшаетъ *на-половину* высказанное имъ недоумѣніе (стр. 93): „Если-бы какая-либо татарская орда въ болѣе позднее время захватила турецкій Азовъ и стала грабить турокъ и брать въ плѣнъ турчанокъ, какимъ образомъ фактъ этотъ отразился-бы въ южнорусскомъ эпосѣ и на какомъ основаніи?“ Идемъ далѣе: историкъ не говоритъ намъ о способѣ взятія Азова, но изъ простаго сопоставленія фактовъ ясно, что здѣсь была употреблена *какая-то* военная хитрость, та-ли, что въ пѣснѣ и Сказаніи, или какая либо пная, на этомъ я не настаиваю, но во всякомъ случаѣ дѣйствовала не одна открытая сила. Козаковъ во взятіи города участвовало всего четыре тысячи четыреста, численность астраханскихъ юртовыхъ татаръ неизвѣстна, но послѣднихъ, какъ показываютъ намъ всѣ современные факты изъ исторіи югозападной Руси, при штурмѣ *крѣпости* можно почти не принимать во вниманіе. Азовская-же крѣпость была такъ сильна, что нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1641 году, подъ стѣнами Азова, защищаемаго *пятнадцатью* тысячами козаковъ, простояла все лѣто огромная турецкая армія, численность которой опредѣляютъ, хотя-бы даже съ большимъ преувеличеніемъ, въ *двѣсти сорокъ* тысячъ человекъ, съ сотнею орудій,—повторяла, но неудачно, приступы къ крѣпости двадцать четыре раза и наконецъ вынуждена была снять осаду. По взятіи города козаками, они, говоритъ историкъ, не упускаютъ живымъ ни одного человека, на степи и на морѣ, что вполне согласно не только со словами Сказанія, но и со смысломъ пѣсни, такъ какъ прежде чѣмъ дѣлится „черкесочками“ или „туркеними“, необходимо было истребить ихъ отцовъ, мужей, братьевъ, все взрослое мужское населеніе. Отмѣтимъ, наконецъ, еще одну черту совпаденія: въ Сказаніи неоднократно упоминается о молитвахъ козаковъ Іоанну Предтечѣ и Николаю чудотворцу, основаніи церкви во имя этихъ угодниковъ и т. д. На земскомъ-же соборѣ 1642 года, по вопросу о томъ, возвратить-ли туркамъ Азовъ, или удержать его за собою, жители многихъ городовъ говорили царю: „Если не изволишь Азова принять, то онъ будетъ за бусурманами, и образъ *Іоанна Предтечи* будетъ у бусурмановъ: не навесь-бы, государь, гнѣва Божія и гнѣва великаго свѣтильника *Іоанна Предтечи* и великаго святителя и чудотворца *Николая*, которыми поручилъ тебѣ Богъ такой

далній крѣпкій украинскій городъ“. Однако правительство, изъ соображеній политическихъ, т. е. не желая навлечь на себя войны съ могущественною тогда Турціею, порѣшило иначе, и донцы, про-владѣвъ Азовомъ шесть лѣтъ, въ 1643 году, добровольно, изъ одного угожденія московскому правительству, удалились оттуда, не оставивши впрочемъ и камня на кампѣ¹⁾.

Такимъ образомъ, между историческими фактами и донскимъ Сказаніемъ оказывается самая тѣсная связь; а такъ какъ ранѣе уже установлена мною подобная-же связь между послѣднимъ и разбираемою пѣснею, то и она должна быть исключена изъ числа бытовыхъ, чумацко-бурлацкихъ, куда помѣстилъ ее г. Рудченко, и отнесена къ историческимъ, но съ приуроченіемъ ея не ко взятію половцами Торческа въ 1093 году, какъ полагаетъ г. Стояновъ, а ко взятію козаками Азова, 18 іюня 1637 года.

Перейдемъ теперь къ вопросу, почему событіе на берегахъ далекаго Дона отразилось въ *малорусскомъ* пѣсенномъ эпосѣ? Ближайшимъ образомъ напрашивается отвѣтъ, что пѣсня эта, на ряду съ нѣкоторыми другими пѣснями, несомнѣнно донского происхожденія, могла быть занесена оттуда чумаками, имѣвшими впоследствии съ Дономъ постоянныя сношенія, такъ какъ рѣка эта очень часто упоминается въ пѣсняхъ, преимущественно чумацкихъ. Но, допуская возможность занесенія этимъ путемъ пѣсни о взятіи Азова, я долженъ сказать что такое предположеніе оставляло-бы безъ отвѣта одинъ изъ аргументовъ г. Стоянова, а именно,—почему-же пѣсня эта извѣстна почти исключительно въ Приднѣпровьи, по крайней мѣрѣ, внѣ этой полосы существованіе ея до сихъ поръ констатировано только въ одномъ елисаветградскомъ уѣздѣ, хотя составъ пѣсенности губерній полтавской и черниговской изслѣдованъ несравненно лучше. Мнѣ кажется, что область распространенія этой пѣсни, поскольку она до сихъ поръ опредѣлена, т. е. съ елисаветградскимъ уѣздомъ включительно, лучше всего можетъ быть объяснена разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ историческихъ обстоятельствъ, современныхъ взятію Азова.

Между Дономъ и Запорожьемъ въ рассматриваемую эпоху, т. е. во второй четверти XVII столѣтія, существовали самыя близкія,

¹⁾ Соловьевъ, тамже, стр. 299 и слѣд.

можно сказать интимныя отношенія. „Мы до сихъ поръ отдѣляли говорить П. А. Кулишъ, характеръ козаковъ запорожскихъ отъ характера козаковъ донскихъ. Изъ разсказовъ Ахія (царевичъ, мнимый или дѣйствительный сынъ Магомета III, христіанскій претендентъ на турецкій престолъ), подтверждаемыхъ и другими документами, оказывается, что одна вольница отличалась отъ другой только признаніемъ надъ собою власти разныхъ государей... Мы находимъ въ монастырскихъ сказаніяхъ о черноморскихъ буряхъ (у Кальнофойскаго) передовиками запорожскими—москвитянь, а на Дону героями, въ родѣ эпическаго Кішки Самійла, запорожскихъ полковниковъ, и знаемъ, какъ обѣ вольницы предпринимали общіе морскіе походы“¹⁾. „Тѣ и другіе составляли, можно сказать, нераздѣльное товарищество“²⁾. Положимъ, на слова г. Кулиша, изслѣдующаго факты всегда не иначе, какъ подъ угломъ зрѣнія извѣстной тенденціи, несовсѣмъ удачно ссылаясь притомъ-же на слова Пушкина, что „только глупецъ не перемѣняетъ никогда своихъ убѣжденій“,—полагаться далеко не всегда можно. Но имъ обнаружено въ цитированномъ изданіи (стр. 290—294) подлинный документъ, который, конечно, гораздо важнѣе выводовъ издателя, просто и безыскусственно изображающій отношенія того времени (1626 годъ) между донцами и запорожцами. Полковникъ запорожскій Алексѣй Шафранъ попалъ въ турецкую неволю, гдѣ пробылъ „у каѣнскаго воеводы на каторге (галерѣ) семь лѣтъ“, а потомъ успѣлъ, съ другими узниками, освободиться и бѣжалъ на Донъ. Отправившись въ послѣдствіи отсюда въ Кіевъ, Шафранъ и три его товарища—козака сбились съ пути и приблудились къ городу Волуйкѣ. Тамошнему воеводѣ показались они людьми подозрительными и отправлены имъ на Москву. Здѣсь ихъ подробно обо всемъ спрашивали, и вотъ что, между прочимъ, записано въ показаніяхъ Шафрана: „живетъ онъ Олеша на Дону восемнадцать лѣтъ, а иные его товарищи живутъ лѣтъ по пяти и по шести; а всѣхъ де ихъ на Дону есть съ тысячу человекъ; а въ Запорогахъ де донскихъ козаковъ также много;... только живутъ переходя: они хо-

¹⁾ Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, стр. 152.

²⁾ Тамъ-же, стр. 286.

дятъ на Донъ, а зъ Дону казаки къ нимъ, и живутъ, сколько гдѣ кто хочетъ. А повелось де у нихъ то зъ донскими казаки изстари, что межъ себя сходятца и живутъ вмѣстѣ въ однихъ куреняхъ. Въ нынешнемъ де лѣте ходили они на море,... а старшина у нихъ былъ онъ Олексѣй, а съ нимъ были *запороскіе черкасы и донскіе казаки смѣсно за одинъ*; а пошли они зъ Дону на море... и взяли въ турецкой землѣ городъ Трапизонъ“. Допрашивавшіе дьяки, желая уличить Шафрана въ сокрытіи будто имъ истинной цѣли пріѣзда въ Волуйку, указывали, что она лежала ему не по дорогѣ: „Вѣдомо подлинно, и знаютъ то многіе люди, что зъ Дону въ Запороги ѣ изъ Запорогъ на Донъ ходятъ степью, не занимая Донца, на Кармию (Калміусъ) да на Мохъ, а Донца не лзятъ“. Очевидно, сношенія въ этомъ направленіи были достаточно оживлены и постоянны, если московскіе дьяки могли указывать Шафрану надлежащій его маршрутъ. Противъ рѣчей Шафрана и товарищей были допрошены также случившіеся на Москвѣ донской атаманъ Ѳеодоръ Ханеневъ да донской козакъ Ивашка Гайдукъ, которые съ своей стороны подтвердили: „на Дону люди многіе, и черкасъ бываесть много, человекъ до пятисотъ, а иногда и болши... А то у нихъ ведетца: какъ зъ Дону поѣдутъ на Днепръ,—и они атаманомъ сказываютца, а на добродѣтели ихъ челомъ бьютъ. А ѣздить зъ Дону въ Запороги черезъ Миюсъ да на Мохъ“.

Приведенный фактъ *предшествуетъ* взятію Азова; укажу аналогію и изъ времени, непосредственно за нимъ *послѣдующаго*. Въ дневникѣ ксендза Шимона Окольского ¹⁾, сопровождавшаго польское войско во время войны съ казаками 1638 года, находимъ нѣсколько указаній на сношенія запорожцевъ съ донцами и даже на прямое участіе послѣднихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ качествѣ запорожскихъ союзниковъ. Такъ, упомянувъ о началѣ возстанія, онъ говоритъ, что возставшіе, „обравши собѣ на Запорожу Острина за старшого, и при немъ Скидана, зъ посередь себе *до козакъ донскихъ, о помощь просячи, выправили*“. И дѣйствительно,

¹⁾ Не имѣя подъ рукою польскаго подлинника Окольского, цитирую по южно-русскаму переводу Лукомскаго, 1770 года, въ приложеніи къ лѣтописи Величка, т. IV, стр. 193, 208, 214.

послѣ отступленія поляковъ отъ Голты къ Лубнамъ, Острианинъ получилъ вѣсти, „ижь ему на помощь килка полковъ заразъ надходить: еденъ ему провадилъ Путивлецъ, и виборного правѣ въ своей-волѣ и въ бунтахъ, между которыми *дунскій козакъ*, цѣвчоній на войну, приходилъ“. Впрочемъ, отрядъ Путивльца прибылъ къ Лубнамъ уже послѣ бѣгства оттуда Острианина, а потому былъ подавленъ превосходными силами поляковъ, вынужденъ выдать своего вожда и сдаться на капитуляцію, несмотря на которую поляки вырѣзали всѣхъ сдавшихся. О первомъ появленіи путивльцева полка, явившагося неожиданно для поляковъ, Окольскій сообщаетъ, что былъ высланъ на развѣдку о появившемся войскѣ польскій отрядъ. „Постаравшися теди о языкъ (т. е. плѣннаго), привели до его милости пана полковника; которій (т. е. языкъ) повѣдалъ, же Путивлецъ, Мурка и Рѣпка вождове, людъ виборній, и добріи стрѣлци есть между ними; *донцовъ пятсотъ*, другіи суть отъ границъ за-порозскихъ, идутъ Остриановѣ на помощь“. Самъ Остриановъ отрядъ бѣжалъ тогда въ нынѣшнюю харьковскую губернію и поселился на сѣверномъ *Донцѣ*, у Чугуева, и лишь впоследствии эти козаки вернулись въ окрестности Полтавы: въ 1641 году, въ Путивлѣ, „въ роспросѣ густынскіе старцы сказали: слышали де онѣ въ литовской землѣ, что де *Чогуевскіе Черкасы и Яцка Остриенина сынъ* ѣздили къ гетману Концу Полскому (т. е. Конецпольскому) бить челомъ о указѣ и отъ гетмана де пріѣхали, и гетманъ де Конецъ-Полской велѣлъ имъ Черкасомъ селитца слободою подъ своимъ городомъ подъ Полтавою“¹⁾.

И такъ мы видимъ, что сношенія и связи Дона и Запорожья были очень близки и до и послѣ 1637 года. Было-бы странно предположить, что запорожцамъ не былъ знакомъ Азовъ, что они не принимали участія въ предпріятіяхъ противъ этого города, и чтобы объ этомъ участіи не сохранялось у нихъ памяти. И точно, когда запорожскій кошевой Сѣрко писалъ въ 1675 г. отъ имени всего войска свое извѣстное письмо къ крымскому хану, объясняя причину своего недавняго похода на Крымъ и перечисляя при этомъ прежніе подвиги запорожцевъ противъ турокъ и татаръ, онъ

¹⁾ Акты Южной и Зап. Россіи, т. III, стр. 54.

не забылъ упомянуть и объ Азовѣ. „Року зась 1633, говорить Сѣрко, Сулима гетманъ войска низового запорозского, въ монокилахъ отъ Сѣчи по Днепру, потомъ по Черномъ мору, чрезъ весь Босфоръ Кимерійскій въ Меотицкое заплинувши езеро, досталъ былъ прекрѣпкого турецкого въ Азїи града Азова“¹⁾. Почти буквально извѣстіе это вошло въ „Собраніе историческое“ Лукомскаго, со ссылкой на какую-то „Русскую лѣтопись достовѣрную“²⁾ и съ прибавленіемъ извѣстія о послѣдовавшей казни Сулимы: „1633 году Сулима, гетманъ войска низоваго запорожскаго, въ монокилахъ или въ судахъ веселникъ (гребныхъ) морскихъ, изъ Сѣчи по Днѣпру, чрезъ Босфоръ Киммерійскій въ Меотическое или Азовское море запливши, прекрѣпкій въ Азїи городъ Азїкъ или Азовъ взялъ. Сему гетману Сулимѣ король Владиславъ IV голову отсѣкти повелѣлъ въ Аршавѣ по жалобѣ на него, за взятіе Азова, отъ турковъ“³⁾. Былъ-ли походъ Сулимы вполне самостоятеленъ, или-же онъ имѣлъ связь съ попыткою овладѣть Азовомъ со стороны донцовъ, которая относится къ 1634 году, по неразработанности источниковъ этой эпохи разрѣшить трудно, хотя дѣйствительность этого похода въ 1630-хъ годахъ и казнь за него Сулимы не подлежатъ сомнѣнію, такъ какъ о нихъ упоминается у современника, кїево-печерскаго монаха Афанасія Кальнофойскаго⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ полагать, что самая крѣпость Сулимою взята *не* была, а только ограблены и опустошены окрестности и города. Иначе тѣснимые

¹⁾ Лѣтопись Величка, т. II, стр. 381.

²⁾ Можно полагать, что эта лѣтопись, на которую Лукомскій ссылается и по отношенію къ гораздо болѣе раннему времени, отъ начала XVI вѣка, въ своемъ Собраніи Историческомъ, первая часть котораго напечатана въ приложеніи къ кїевскому изданію «Лѣтописи Самовидца», стр. 321—372, была не что иное, какъ южнорусская компилятивная лѣтопись XVII вѣка, извѣстная въ спискѣ конца XVII столѣтія, іеромонаха Леонтія Боболинскаго. Отрывки изъ этого списка, 1699 года, напечатаны въ приложеніи къ лѣтописи Грабянки, стр. 273—327. Но у покойнаго М. А. Максимовича имѣлась лѣтопись, въ рукописи *первой* половины XVII вѣка, которую пользовался, какъ оригиналомъ, или какъ главнымъ источникомъ, Боболинскій. Что стало съ этимъ важнымъ и интереснымъ памятникомъ южнорусской письменности и историографіи, мнѣ неизвѣстно.

³⁾ Лѣтопись Величка, т. IV, стр. 180.

⁴⁾ *Тератолоγία lubo cuda, które były... w monasteru pieczarskim kijowskim, etc.*, Кїевъ, 1638 г., стр. 271: «z hetmanem swym na ten czas Sulimem, niedawno za przestępki swe przeciwko Rzeczy Pospolitey na gardle skaranyм у z niemalą kupą wojska puścili się czołnem na morze».

ею донцы не замедлили бы воспользоваться случаемъ и утвердиться здѣсь. Наконецъ, тотъ-же Лукомскій сохранилъ намъ и извѣстіе объ участіи запорожцевъ во взятіи Азова въ 1637 году, настолько мотивированное и любопытное, что его стоитъ привести здѣсь вполнѣ. Передавъ о возстаніи Павлюка и пораженіи козаковъ подъ Кумейками, Лукомскій продолжаетъ:

„Того-жъ 1637 году согласились 4000 человекъ храбрыхъ козаковъ, которіе часто помянутыхъ лядскихъ утѣсненій болѣе нести не могли, искать своего щастія въ другихъ краяхъ пошли къ персіянамъ, чтобъ на войнѣ противъ турковъ служить. Они пошли чрезъ крымскіе и нагайскіе орды со всякою осторожностію къ Дону и имѣли на дорогѣ частой случай сражаться съ татарами, тамъ встрѣтились они съ 3000 человекъ донскихъ козаковъ, которіе приняли ихъ весьма пріятно и притомъ освѣдомились о ихъ намѣреніи и походѣ. Услышавъ причину онаго, представляли тамъ они имъ опасности похода чрезъ толь многіе народы и сомнѣніе свое, что найдутъ-ли они у персіянъ то, чего желаютъ. Они говорили имъ: мы де имѣемъ для васъ, браття, запасу довольно; чего вы такъ далеко искать намѣрены, то найдете вы у насъ,—будемъ другъ другу вѣрни. Вотъ Азовъ: когда мы возьмемъ этотъ городъ, то будемъ имѣть способной проходъ въ Меотическое или въ Черное море, гдѣ мы въ одинъ походъ можемъ столько взять добычи, сколько вы во всѣхъ кровопролитіяхъ... у персіянъ никогда не получите“. Запорожскіе козаки, посовѣтовавъ между собою, согласились напоследокъ на предложеніе донскихъ. Пошли они вмѣстѣ подъ Азовъ, гдѣ турецкій гарнизонъ, котораго отъ трехъ до четырехъ тысячъ человекъ было, ихъ предпріятію осмѣялись. Козаки начали тотчасъ въ землю вриваться и продолжали день и ночь свою работу съ такою ревностію, что они, при непріятельской стрѣльбѣ отъ яничаръ, въ городъ вошли и непріятеля принудили отступить въ замокъ. Яничари находились тогда въ столь великомъ страхѣ, что и замокъ немедленно здали, хотя козаки толко четыре фалконеты при себѣ имѣли, которыми-бы никогда пролому учинить не могли. Они ограбили городъ и здѣлали тотчасъ надлежащее учрежденіе: донцы овладѣли Азовомъ, а запорожцы съ добычами въ Сѣчь возвратилися“¹⁾

¹⁾ Величко, т. IV, стр. 181—182.

Я съ намѣреніемъ привелъ только здѣсь слова Лукомскаго, несмотря на ихъ категорическій смыслъ и рѣшающее значеніе въ вопросѣ объ участіи запорожцевъ при взятіи Азова. Какъ источникъ компилятивнаго характера, составленный слишкомъ черезъ сто тридцать лѣтъ послѣ событія, и притомъ почти безъ всякой критики, — „Собраніе“ Лукомскаго само по себѣ не могло-бы служить достаточнымъ основаніемъ для признанія этого участія, если бы ранѣе не были установлены, по источникамъ первой руки, факты о постоянныхъ сношеніяхъ и связяхъ Запорожья и Дона въ разсматриваемую эпоху. Но въ виду несомнѣнности такого рода фактовъ, свидѣтельство Лукомскаго, изъ какого-бы источника онъ его ни почерпнулъ, получаетъ характеръ достовѣрности по отношенію къ событію, а вмѣстѣ съ тѣмъ важно и само по себѣ, какъ слѣдъ южнорусской традиціи объ участіи въ этомъ событіи запорожскихъ козаковъ.

Коль скоро же является доказаннымъ, что запорожцы въ 1620—30-хъ годахъ бывали на Дону въ большемъ или меньшемъ числѣ постоянно, что они участвовали и во взятіи Азова, то становится вполне понятнымъ и существованіе въ Малороссіи пѣсни объ этомъ событіи, и ея ограниченное распространеніе. Народная пѣсня историческаго содержанія вообще складывается по горячимъ слѣдамъ событія; наглядными примѣрами могутъ служить какъ пѣсня о корсунскихъ волненіяхъ 1855 года, вскорѣ послѣ того тамъ же записанная А. Г. Зайкевичемъ и переданная имъ А. И. Стоянову, такъ и записанная мною пѣсня объ избіеніи крестьянами банды польскихъ повстанцевъ 1863 года въ с. Соловьевѣ радомысльскаго уѣзда¹⁾. Такъ и здѣсь: пѣсня о взятіи Азова могла быть сложена или немедленно, на мѣстѣ, — въ такомъ случаѣ она должна отыскаться и на Дону, гдѣ она, или прозаическое преданіе о томъ же событіи послужили источникомъ книжнаго Сказанія; или же она могла быть сложена запорожцами уже по отходѣ ихъ съ Дона, на пути или по прибытіи въ Сѣчь. Въ томъ и въ другомъ случаѣ распространителями ея по Малороссіи могли быть только запорожцы. Если принять во вниманіе, что вслѣдъ затѣмъ наступило возстаніе Острацина и Гуни, а десять лѣтъ спустя страшный пожаръ надолго охватилъ всю южную Русь, то будетъ

¹⁾ Напечатана въ «Кіевлянинѣ» 1869 года, № 64.

ясно, что занесенная тогда запорожцами пѣсня о далекомъ по мѣстности и неимѣющемъ непосредственного интереса для мѣстнаго населенія историческомъ эпизодѣ—не могла получить въ Малорос-сіи повсемѣстнаго распространенія. Она могла удерживаться по преимуществу въ такихъ только мѣстахъ, которыя, какъ нынѣшній елисаветградскій уѣздъ, входили въ составъ запорожскихъ владѣній; или нерѣдко были посѣщаемы ими, какъ уѣздъ чигиринскій, съ его монастырями: мотренинскимъ, лебединскимъ, николаевскимъ въ Медведовкѣ и оуфрѣевскимъ въ *Жаботинѣ*; или же находились неподалеку запорожскаго „шпиталѣ“ — Терехтемирова, какъ большая часть мѣстностей, гдѣ до сихъ поръ подмѣчена эта пѣсня; вариантъ Н. И. Костомарова, мѣстность записи котораго не обозначена, нѣкоторыми особенностями языка обличаетъ свое харьковское происхожденіе, и было бы неудивительно, если бы пѣсня эта встрѣтилась близъ Чугуева, куда спаслось изъ подъ Лубенъ ядро Остринова войска, состоявшее преимущественно изъ запорожцевъ.

Хотя я стараюсь говорить болѣе словами источниковъ, чѣмъ излагать свои личныя соображенія,—безпристрастный читатель можетъ убѣдиться, что имѣются довольно вѣскія основанія пріурочить разсмотрѣнную пѣсню ко взятію не Торческа, а Азова, и не къ 1093, а 1637 году. Имѣя въ виду сдѣлать еще кой-какія дополнителныя замѣчанія, обращусь еще къ заключительнымъ положеніямъ А. И. Стоянова, указывая, въ чемъ ихъ слѣдовало бы, по моему, измѣнить, и почему именно.

1) Что касается тождественности легенды, записанной на развалинахъ Торческа, съ лѣтописнымъ разсказомъ, то она, конечно, сомнѣнію не подлежитъ, мои замѣчанія ея вовсе не коснулись, и за П. И. Ревякинмъ остается вполне заслуга отысканія несомнѣннаго историческаго мѣстнаго преданія дотатарской эпохи, служащаго однимъ изъ существенно важныхъ доказательствъ непосредственной преемственности населенія кіевской Руси, т. е., что нынѣшніе ея жители представляютъ прямыхъ потомковъ полянь. Съ своей стороны могу еще добавить, что попытки отыскивать древній Торчъ¹⁾ не на урочищѣ того же самаго имени, а въ другихъ мѣ-

1) Въ лаврентьевской лѣтописи «Торційскій градъ», но въ болѣе цѣнной для южнорусской исторіи лѣтописи Ипатской—«Торчскій градъ»; въ источ-

стахъ, по одному сходству названій, нельзя признать удачными. Сколько помню, нѣсколько лѣтъ назадъ въ обществѣ Нестора кѣмъ-то изъ членовъ была сдѣлана такая попытка приурочить лѣтописный Торческъ, по прежнему, къ с. Торчицѣ таращанскаго уѣзда, а В. Б. Антоновичъ замѣтилъ по этому поводу, что область поселенія торковъ была довольно обширна, а потому они могли дать свое имя и той, и другой мѣстности,—Торческовъ могло быть нѣсколько. Лѣтопись знаетъ ихъ только одинъ, мѣсто котораго и опредѣляется за Стугной, у с. Новыхъ Безрадичъ ¹⁾ кіевскаго уѣзда, въ пользу чего говорятъ: тождество имени, характеръ мѣстности съ явными слѣдами древняго укрѣпленія, мѣстное преданіе, почти буквально совпадающее съ лѣтописью, и наконецъ близость этого мѣста къ Триполю, какъ должно быть и по лѣтописи. Что касается другихъ мѣстностей со сходными именами, то за нихъ, кромѣ созвучія, не говоритъ ничего больше, и основывать на одномъ этомъ признакѣ мнѣніе о *нѣсколькихъ* Торческахъ едва-ли возможно. Торчскому—граду, одному, далъ имя основавшій его народъ; но рядомъ съ тѣмъ существуетъ общеславянскій корень *трк*, отъ котораго могли происходить сходныя имена мѣсть совершенно независимо отъ имени народа торковъ. Дѣйствительно, мы находимъ такія имена по всей южной Руси, гдѣ о торкахъ, вѣроятно, и въ XI вѣкѣ вовсе даже не слышали. Такъ, кромѣ Торчицы таращанскаго уѣзда, находимъ еще: *Торчинъ*—въ радомысльскомъ, луцкомъ и литинскомъ; *Торкинъ*—въ стародубскомъ (списки насел. мѣсть, чернигов. губ., № 3334); *Торская*—въ купянскомъ (тоже, харьков. губ., № 2270); *Торско-Алексѣевское*—въ бахмутскомъ (екатеринослав. губ., № 930); *Торске*—въ Галиціи около Червонограда и т. д.

ной формѣ, какъ напр. кіевскій монастырь св. Феодора «Вотчъ», говорилось, конечно, Торчъ, что сохранилось буквально и нынѣ, съ переходомъ имени въ существительное, Торчъ.

¹⁾ Самое названіе этого села связано съ торческой легендой: «черезъ се и село наше называется Безрадичами, говорилъ П. И. Ревякину Омелько: тіі (т. е. князья) радились та радились, а сі (половцы) *безъ рады* побили їхъ; на сміхъ, значить, зовуть Безрадичами» (цитирую изъ находящейся у меня подлинной рукописи П. И. Ревякина).

2) Взятіе города „чумакомъ“, посредствомъ хитрости, — подробность, не находящаяся ни въ лѣтописи о Торческѣ, ни въ историческихъ извѣстіяхъ о взятіи Азова, включая сюда даже и Лукомскаго, а только въ донскомъ Сказаніи о послѣднемъ событіи. Это-же Сказаніе связываетъ непосредственно пѣсню съ историческимъ фактомъ. Въ дѣйствительности, подробность эта могла имѣть мѣсто, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, но точно также могла въ обоихъ даже отсутствовать, а была лишь къ нимъ приурочена изъ *общаго* народнаго преданія, которое, въ свою очередь, могло и создаться *безмыслино*, или, что гораздо естественнѣе, составляетъ отголосокъ какого-то забытаго факта времени незапамятныхъ, гораздо древнѣе не только Азова, но и Торческа. Отвѣтить на этотъ вопросъ можетъ только *сравнительное* изслѣдованіе сходныхъ преданій у другихъ арійскихъ народовъ.

3) Подробности пѣсни еще ближе совпадаютъ съ донскимъ Сказаніемъ, чѣмъ съ торческой легендою, для которой былъ-бы необъяснимъ, напр., товаръ, состоящій изъ лисицъ и соболей, а въ Азовѣ они вполне умѣстны.

4) Имя Азова въ пѣснѣ не позднѣйшее, а коренное; замѣна же его Ростовомъ, Щучиномъ и другими пунктами чумацкихъ дорогъ очень естественна, коль скоро самая пѣсня, потерявъ первоначальный историческій колоритъ, стала принимать характеръ пѣсни чумацкой.

5) Имена—орда, туркения, вполне на своемъ мѣстѣ, такъ какъ во взятіи Азова участвовали и татары, а въ плѣнъ были уводимы именно турчанки.

6) Какимъ образомъ могло отразиться это событіе въ южно-русскомъ эпосѣ, безъ „противорѣчія основнымъ законамъ народнаго творчества“,—отвѣтомъ служить участіе въ событіи многочисленныхъ представителей южной Руси—запорожцевъ.

7) Несходство характера пѣсни съ общимъ типомъ южно-русскихъ чумацкихъ (и даже вообще малорусскихъ) пѣсень служить признакомъ происхожденія ея въ этнографически-смѣшанной средѣ. Конечно, замѣчаніе г. М. Т—ова о ея будто бы *великорусскомъ* происхожденіи не имѣетъ значенія, составляя только невѣрную передачу высказанныхъ первоначально мною замѣчаній.

8) Къ этимъ положеніямъ добавлю еще, что и область распространенія пѣсни, насколько она до сихъ поръ опредѣлена, можетъ быть объяснена безъ всякихъ натяжекъ въ виду происхожденія пѣсни отъ запорожцевъ, тогда какъ, если-бы она была происхожденія мѣстно-торческаго, трудно было-бы объяснить заносъ ея въ елисаветградскій уѣздъ и, какъ кажется, въ харьковскую губернію.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что вполне раздѣляю взгляды А. И. Стоянова относительно метода изслѣдованія народныхъ пѣсень. Различіе результатовъ, къ какимъ мы оба пришли, зависѣло вовсе не отъ различія метода, а только отъ неодинаковаго объема матеріаловъ, которыми каждый изъ насъ располагалъ въ данномъ случаѣ. Особенно цѣнными считаю я замѣчанія г. Стоянова относительно того, что пѣсни должны быть изучаемы, а слѣдовательно и записываемы, не нагишомъ, какъ ихъ даютъ намъ обыкновенно сборники, а въ связи съ обстоятельствами, при какихъ была пѣта (не по заказу, конечно) та или иная пѣсня, и особенно въ связи съ замѣчаніями пѣвцовъ и пѣвицъ, служащими для насъ единственнымъ указаніемъ, какъ понимается то или иное мѣсто въ самомъ народѣ.

Р. S. Статя эта была уже окончена, когда появилась въ „Кіев. Старинѣ“ замѣтка Н. И. Костомарова о томъ-же предметѣ, въ отрицательномъ отношеніи вполне согласная и съ высказываемыми мною соображеніями. Нашъ маститый историкъ тоже не раздѣляетъ мнѣнія г. Стоянова и отвергаетъ возможность приуроченія пѣсни ко взятію Торческа; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не находитъ возможнымъ отнести ее и ко взятію Азова, а видитъ въ ней скорѣе отраженіе не одного какого-нибудь случая, бывшаго тамъ или здѣсь когда-то, а цѣлаго, можетъ быть, ряда мелкихъ случаевъ; по его мнѣнію, и само оно потомъ могло быть источникомъ многихъ болѣе или менѣе въ свое время важныхъ подобныхъ событій, такъ какъ этотъ образъ, взятіе чужого города посредствомъ хитраго проведенія туда воиновъ, составилъ часть народнаго міросозерцанія, которое всегда, иногда и незамѣтно, двигаетъ историческимъ ходомъ судьбы народа. Нисколько не отрицая основательности и этой точки зрѣнія, тѣмъ

болѣе, что эпической подробности пѣсни и Сказанія о ввозѣ въ городъ подъ видомъ товара козаковъ нѣтъ въ историческихъ свидѣтельствахъ ни о Торческѣ, ни объ Азовѣ,—я полагаю однако, что собственно разобранныя нами пѣсня, въ которой эта подробность имѣетъ характеръ общаго мѣста, была приурочена въ свое время именно ко взятію послѣдняго города. Безпристрастному читателю остается рѣшить, достаточно-ли приведенныхъ въ моей статьѣ доказательствъ въ пользу такого мнѣнія. Мимоходомъ замѣчу, что г. Костомаровъ вполне основательно поясняетъ упоминаемый въ нѣкоторыхъ вариантахъ Кремень-городъ турецкимъ словомъ „кермень“, которое носилъ, впрочемъ, не одинъ Исламъ-городокъ, а и многіе другія крѣпостцы, такъ какъ оно означаетъ вообще укрѣпленный городъ (см. выше, стр. 422; такъ и Ак-керманъ = Бѣлый городъ). При упоминаемомъ въ другихъ вариантахъ Щучинѣ г. Костомаровъ ставитъ знакъ вопроса; я полагаю, что это Щучья станица въ черкасскомъ округѣ земли войска донского, лежащая при самомъ Донѣ, и называемая также Елисаветовскою.

Ив. Новицкій.
